

Открытый научный семинар Института Синергической Антропологии (Москва)

«Феномен человека в его эволюции и динамике»

Руководители Семинара – С.С. Хоружий и О.И. Генисаретский

*10 декабря 2014 г., 18.00
Институт философии РАН, комн. 525*

Андрей Бронников
(Амстердам, Нидерланды)

**Человек и текст.
Опыт герменевтической и онтологической эстетики**

Тезисы доклада

Может ли эстетика создавать опыт? Н. Гартман полагает, что эстетика представляет интерес лишь для философа, поскольку она не нужна ни художнику, ни зрителю. Согласно этому пониманию, опыт эстетики есть философский опыт. Казалось бы, это сужает область и значение эстетического. Но, попадая в силовое поле философии, проблемы эстетики переосмысливаются как проблемы философские, неотделимые от проблем познания и онтологии.

Что и зачем познается в искусстве? И что создается? Если «язык это дом бытия» (М. Хайдеггер), то поэзия – корень и источник не только особого знания, но и самого бытия. Письмо приходит в мир не только как «различие» – что замечает Ж. Деррида, но и как некая новая сущность, становящаяся рядом с человеком. Какое различие существует (да и есть ли оно) между бытием человека и его языком, между текстом и человеком?

Все, что нам остается – это текст. И текст сохраняется во времени неизменным и неприступным в тайне скрытости. Будучи записанной, речь теряет энергию непосредственности. Сократ говорит, что письмо не может себя защитить (но сам Сократ – это текст). Письмо не может себя защитить – его защищает время. Только во времени текст раскрывается как неуничтожимая и неизменяемая реальность. Текст – не данность, но предел становления. «Отслоение первичного речевого акта» (Х.-Г. Гадамер) создает «идеальное» текста – недоступное поверхностному восприятию самотождественное ядро, которое делает текст тем, что неизменно сохраняется при любых интерпретациях и преобразованиях. На этом

фундаментальном предположении основаны все методы исследования текста (герменевтические, структуралистские и т. д).

Полностью понять и описать текст невозможно, поскольку если бы такое описание существовало, то оно было бы соразмерно самому тексту, обладая богатством всех его смыслов, то есть было бы им самим. В этом смысле текст единичен. Текст существует вне мира, доступный лишь взорам, но не рукам. Со всех мест вселенского зрительного зала мы смотрим на текст, каждый – из своей уникальной точки пространства-времени. Читатель-интерпретатор домысливает текст, как бы играя в автора. Но текст и сам становится автором, подчиняя себе читателя. Соприкасаясь с текстом, человек взаимодействует с идеальным. Создание текста включает в себя иррациональный процесс создания идеального – того, что способно потом генерировать всю полноту смыслов и интерпретаций.

«Звучащим слепком формы» называет замысел текста поэт О. Мандельштам. «Мы – пчелы невидимого», вторит ему Рильке. Текст создается в момент рискованного шага в невидимое, лежащее за пределами общедоступного. «Интуиция» в науке и «вдохновение» в искусстве – вот то, что создает возможность выхода за пределы известного. Поэт творит, одержимый неистовством Муз. Но для чего? Текст – это единственная неизменная реальность, которую создает человек. Эта реальность растет рядом с нами, подобно тому, как растет муравейник заботами муравьев, каждый из которых способен видеть лишь его малую часть, быть может, только одну травинку. Но что остается? Самоидентификация и самодостаточное бытие текста не зависит ни от читателя (который создает собственный мета-текст, но не может ни изменить, ни дополнить дошедший до него текст), ни от автора, момент творческого напряжения и сама жизнь которого пренебрежимо коротки. Текст остается после всего.

Взорам скольких поколений открывается текст? Как вид человечество не может быть вечным. Когда-нибудь мы уйдем с этой сцены. Но когда человека не будет, то некому будет что-то сказать или добавить к сказанному. Новые тексты не смогут появиться, а старые застынут в вечной неподвижности полной определенности. В своем пределе – в конце всех времен, когда все сказано, вся совокупность текстов становится неизменной, вечной и как бы застывшей реальностью: царством *идей*, порождающих всю полноту нашего прошлого.